DOI: 10.17976/jpps/2022.02.09

"ДИПЛОМАТИЯ ДЛЯ НАУКИ" В ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОССИЙСКИХ НАУЧНЫХ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Р.О. Райнхардт, А.Н. Панов

РАЙНХАРДТ Роман Отмарович, кандидат экономических наук, доцент, МГИМО МИД России, Москва, email: don.reinhardt@mail.ru; **ПАНОВ Александр Николаевич**, доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой дипломатии, МГИМО МИД России, Москва, email: panov.taishi@yandex.ru

Райнхардт Р.О., Панов А.Н. 2022. "Дипломатия для науки" в интерпретации российских научных и дипломатических работников. *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 115-129. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.09

Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов или кандидатов наук (проект "Новые формы и методы дипломатии в условиях пандемии" XI конкурса молодых ученых МГИМО "Научная идея").

Статья поступила в редакцию: 30.09.2021. Принята к публикации: 22.12.2021

Аннотация. В статье рассматривается роль "дипломатии для науки" как одного из направлений научной дипломатии по поддержке и осуществлению международного научно-технического сотрудничества (МНТС). Авторы выделяют два уровня реализации практик дипломатии для науки, а именно макроуровень, на котором заключаются межгосударственные соглашения об МНТС, и микроуровень, предполагающий поддержку дипломатами конкретных ученых и научных коллективов в их взаимодействии с иностранными контрагентами. С целью выявления важнейших проблем, стоящих и перед научными, и перед дипломатическими работниками прежде всего на микроуровне, авторы провели серию полуструктурированных интервью с представителями русскоязычного научного сообщества и работниками Министерства иностранных дел России. В ходе данных бесед удалось установить, во-первых, что ученые сталкиваются с недостатком информации по консульского-визовым и юридическим вопросам, что вкупе с бюрократическими проволочками может отрицательно влиять на решения об активном поддержании научных контактов с зарубежными партнерами. Во-вторых, низкий уровень консолидации так называемой научной диаспоры зачастую подрывает усилия по координации российских и русскоязычных ученых за рубежом. У дипломатов, в свою очередь, возникает ряд проблем, связанных с отсутствием формально закрепленных понятий "ученый" и "научная диаспора", что приводит к сложностям в определении круга возможных получателей консульской и дипломатической поддержки. И ученые, и дипломаты указывают на трудности коммуникации, которая обусловливается в том числе низким уровнем взаимного доверия. На основании полученных эмпирическим путем данных авторами сформулирован ряд рекомендаций, нацеленных на оптимизацию применяемых практик. К ним относятся: в части консульско-визовой проблематики – выделение поездок в рамках МНТС в отдельную визовую категорию и разработка проекта "паспорта ученого" по модели "паспорта болельщика"; в части работы с научной диаспорой – выработка четкого определения данного понятия, упрощение правил въезда и получения гражданства РФ для лиц, причисляемых к российской научной диаспоре; в части информационно-разъяснительной работы – активизация работы профильных информационных ресурсов и создание объединяющей их специализированной интернет-платформы.

Ключевые слова: научная дипломатия, дипломатия для науки, международное научно-техническое сотрудничество, цифровая дипломатия, научная диаспора, соотечественники за рубежом, научная политика.

"ДИПЛОМАТИЯ ДЛЯ НАУКИ": ПОНЯТИЕ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ

В настоящее время российская научная дипломатия продолжает проходить процесс структурных трансформаций [Reinhardt 2021]. Некоторые тенденции, направления соответствующих качественных, равно как отчасти и количественных, изменений уже получали рассмотрение в отечественном научном дискурсе [Краснова и др. 2020]. С учетом имеющихся наработок видится целесообразным более подробно исследовать проблематику "дипломатии для науки" как одного из звеньев научно-дипломатического комплекса[1].

По классификации, предложенной в докладе Лондонского королевского общества и Американской ассоциации содействия развитию науки, "дипломатия для науки" понимается как упрощение дипломатами процесса международного научно-технического сотрудничества (МНТС) путем использования традиционного переговорного и международно-правового инструментария [New frontiers... 2010]. В докладе имплицитно, а в рамках настоящей статьи для большей точности – эксплицитно, под дипломатами подразумеваются "классические" или ведомственные дипломаты, т.е. сотрудники государственных внешнеполитических ведомств и смежных органов исполнительной власти, участвующих во внешней деятельности стран.

Исходя из этого, с целью систематизации применяемых как в России, так и за рубежом практик имеет смысл выделить два уровня "дипломатии для науки":

– заключение с последующим сопровождением рамочных, а также частных межгосударственных соглашений об МНТС на двусторонней и многосторонней основе (макроуровень);

– административно-техническая, юридическая и информационно-консультационная поддержка конкретных ученых, научных работников и коллективов, их формальных и неформальных, в том числе нерегулярных, объединений при взаимодействии с иностранными контрагентами (микроуровень).

В связи с этим по аналогии с подходами, применяемыми некоторыми экспертами в области экономической дипломатии [Bergeijk et al. 2011], на обоих уровнях допустимо также разграничивать "входящую" и "исходящую" дипломатию. Первая сводится к привлечению в страну иностранных специалистов и обеспечению максимально комфортных условий их работы (упрощение режима въезда, процедур регистрации и т.п.). Вторая – к помощи отечественным научным кадрам во время их пребывания за рубежом (содействие в разрешении конфликтов с властями государств пребывания, возможном получении бюрократических и финансовых преференций и т.д.).

Наряду с обозначенным выше фактически консульским измерением, профильные механизмы могут включать в себя и собственно дипломатическое, быть нацеленными на коммуникацию, установление и развитие контактов между участниками трансграничных научных связей. Так, например, на микро-

[1] Другие два звена – "наука в дипломатии" (выработка учеными рекомендаций в рамках целей международной политики) и "наука для дипломатии" (использование учеными и дипломатами научных альянсов в целях улучшения двусторонних и многосторонних отношений между странами). Анализ этих аспектов применительно к современной России был довольно подробно освещен на страницах указанной работы.

уровне желательно, чтобы ученый имел реальную возможность обратиться не только в консульский отдел посольства своей страны в случае возникновения проблем с документами, но и, скажем, в аппарат атташе или советника по науке [Райнхардт, Мозебах 2017] для получения содействия в организации встречи с главой министерства науки или патентного ведомства страны пребывания. При положительном ответе на подобный запрос сотрудник дипмиссии помимо посреднических может взять на себя также часть представительских и даже протокольных функций. Тем самым ученому будет оказана не только стандартная и установленная административным регламентом консульско-правовая поддержка, но и в прямом смысле слова научно-дипломатическая услуга.

Что же касается смысловой природы, инструменты "дипломатии для науки" уместно подразделить на обеспечивающие функционирование:

— институционального и правового поля, внутри которого участники МНТС действуют самостоятельно и независимо;

— механизмов административного стимулирования и дополнительного, вплоть до форсированного, развития национальной внешней научной деятельности и МНТС.

При использовании первой категории инструментов государство в лице своих уполномоченных органов, и прежде всего министерства иностранных дел или его аналога, выступает гарантом стабильного и поступательного развития МНТС. Используя вторые, оно де-факто возлагает на себя ряд функций по научному администрированию, становится актором научной политики и МНТС.

Учитывая новейшую риторику отечественных дипломатов и, в частности, тезис министра иностранных дел С.В. Лаврова о том, что "МИД не занимается оркестрированием научных связей"[2], уместно предположить, что внешнеполитическое ведомство склонно делать ставку на первую часть инструментария, по большей части (если не полностью) отвергая саму возможность применения второй.

В данном контексте особый интерес представляет исследование фактической и потенциальной роли российского МИДа в "дипломатии для науки". Иными словами, первоначальный вопрос состоит в том, чем дипломат может помочь ученому с позиций как "входящего", так и "исходящего" направлений. Рассмотрение этого вопроса будет способствовать последующему глубокому и всестороннему анализу функционирования института атташе по науке на микроуровне, а также изучению договорной базы МНТС России с зарубежными странами на макроуровне. Исходя из этого, на первом этапе исследования авторами был проведен позитивный анализ с использованием эмпирических методов. Исследовательский вопрос сводился к тому, чем российские дипломаты реально помогают ученым. С учетом полученных результатов на втором этапе исследования был проведен нормативный анализ в ключе того, чем российские дипломаты более эффективно могли бы помогать ученым. Путем синтеза выводов в заключительной части был сформулирован ряд рекомендаций, нацеленных на оптимизацию действующих практик и адресованных лицам, принимающим решения в области внешней и научной политики.

[2] Лавров считает, что научная дипломатия при пандемии перестает быть инструментом влияния. *ТАСС*. 21.04.2020. https://tass.ru/politika/8294685 (accessed 23.09.2021).

Проблемы научных работников – участников МНТС

С целью выявления и характеристики спроса на услуги дипломатов со стороны ученых авторами была проведена серия полуструктурированных интервью с представителями российского и русскоязычного научного сообщества. В выборку вошли 12 человек, представлявших различные научные направления (физика, биология, науки о человеке и обществе) и работавших на момент беседы в учреждениях разных типов (научно-исследовательские институты, ведомственные исследовательские центры, высшие учебные заведения). Восемь информантов проживали и работали преимущественно в России, четыре – за рубежом. При полном соблюдении гендерного баланса возраст интервьюированных варьировался от 28 до 72 лет. Выборка включала ученых, вовлеченных в процессы научного администрирования (пять человек) по совместительству с проведением исследований как основным видом трудовой деятельности, а также не имевших подобного опыта (семь человек). Четыре участника были докторами наук, пять – кандидатами, один – *PhD*, два не имели ученой степени.

Подобная выборка, безусловно, не может считаться репрезентативной, однако для целей настоящего качественного исследования видится подходящей, поскольку, как представляется, дает адекватный срез современного российского научно-исследовательского сообщества. Интерпретация и анализ результатов бесед позволили выявить следующие проблемы, с которыми сталкивались и, вероятно, продолжают сталкиваться участники МНТС при взаимодействии с дипломатическими институтами, для последующего рассмотрения особенностей их запросов на “дипломатию для науки”.

1. *Недостаток информации в отношении консульско-визовой проблематики и смежных вопросов*. Как выяснилось, многие научные работники, в том числе члены так называемой российской научной диаспоры, не обладающие гражданством РФ, имеют зачастую слабое и/или искаженное представление о порядке пересечения государственных границ. Так, пять из 12 участников опроса признались, что, имея на руках официальные приглашения от зарубежных контрагентов (речь шла о странах Евросоюза) на участие в научных мероприятиях, при подаче документов на оформление визы указывали иные цели и мотивы поездки (главным образом туризм). Как следствие, они не смогли воспользоваться преференциями, напрямую предусмотренными профильным соглашением между РФ и ЕС[3]. В частности, ими была упущена возможность получения многократных виз сроком действия до пяти лет, а также освобождения от уплаты консульских сборов (ст. 5 и 6 указанного Соглашения соответственно[4]).

С другой стороны, один из респондентов – выходец из СССР, постоянно проживающий в ЕС, не являющийся гражданином РФ и прибывший на проводимый в России международный научный форум, рассказал, что при подаче документов через визовый центр в российское консульское загранучреждение (РКЗУ) он наряду с комиссионным сбором данного центра зачем-то уплатил консульский сбор в двукратном размере. На вопрос о том, почему он не обратился напрямую в РКЗУ с целью получения обыкновенной гуманитарной визы, ученый заявил, что не знал о наличии такой возможности.

[3] Соглашение между Российской Федерацией и Европейским сообществом об упрощении выдачи виз гражданам Российской Федерации и Европейского союза (заключено в г. Сочи 25.05.2006). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126335/ (accessed 23.09.2021).

[4] Там же.

Схожим образом обстоят дела с научными командировками в США. Показательно, что ни один из трех участников интервью, имевших опыт работы в американских научных центрах, не владел информацией о существовании двустороннего визового соглашения[5]. Принимая во внимание то, что подобное соглашение РФ с ЕС было заключено 15 лет назад, а с США – 10 лет назад (причем, несмотря на известные сложности в отношениях между странами, они сохраняют силу), ситуация явно свидетельствует о недостаточной осведомленности представителей научного сообщества в рамках обозначенной темы.

При этом на вопрос: "*Могут ли бюрократические проволочки, сложности с получением визы или высокие консульские сборы стать препятствием и отпугнуть Вас от научной командировки за рубеж*?", восемь из 12 респондентов ответили в той или иной степени утвердительно (*да; скорее да, возможно, не исключено*).

Наряду с визовыми аспектами затруднения у научных работников нередко вызывают, например, нюансы налогообложения за рубежом. Двое респондентов, работавших на протяжении нескольких месяцев по контракту в итальянских университетах, сообщили об уплате в названной стране индивидуального подоходного налога. Вместе с тем, согласно ст. 20 действующей между странами конвенции об избежании двойного налогообложения[6], они вполне могли этого не делать, оставаясь налоговыми резидентами РФ и осуществляя трудовую деятельность в Италии в течение периода, не превышающего двух лет. С аналогичными трудностями сталкивались и два других респондента, проводившие исследования в странах, с которыми у России также имеются соответствующие налоговые конвенции.

2. *Трудности коммуникации с дипломатами*. На вопрос: "*Испытывали ли Вы коммуникативные сложности при общении с сотрудниками посольств и РКЗУ?*" семь из 12 опрошенных дали положительные ответы (*да; скорее да*). При этом их содержание существенно различалось: в то время как одни ученые отмечали некое общее ощущение дискомфорта от взаимодействия с должностными лицами, другие давали вполне конкретные описания ситуаций, близких к конфликтным. Обобщая данные частные случаи, в проблемно-постановочном ключе стоит обратить внимание, во-первых, на сравнительно низкий уровень знакомства дипломатических работников с реалиями научных и наоборот.

Самые банальные из приводимых казусов сводились к тому, что, с одной стороны, сотрудники дипмиссий путали, например, категории ученой степени и ученого звания. С другой стороны, некоторые научные работники затруднились объяснить разницу между посольством и консульством, имели поверхностное и не всегда корректное представление о дипломатических рангах и должностях (как минимум, двое опрошенных полагали, что ранг атташе выше рангов первого секретаря и советника).

Во-вторых, следует отметить наличие такой немаловажной проблемы, как взаимное недоверие представителей двух описываемых профессиональных сооб-

[5] Соглашение между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об упрощении визовых формальностей для граждан Российской Федерации и граждан Соединенных Штатов Америки (заключено в гг. Москве, Вашингтоне 01.11.2011 – 19.11.2011). Нота МИД России от 01.11.2011 N 46197/кд; Нота Государственного департамента Соединенных Штатов Америки от 19.11.2011. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_134007/ (accessed 23.09.2021).

[6] Конвенция между Правительством РФ и Правительством Итальянской Республики от 09.04.1996 (ред. от 13.06.2009) "Об избежании двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и капитал и предотвращении уклонения от налогообложения". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21175/ (accessed 23.09.2021).

ществ. По мнению четырех участников интервью, практически все дипломатические агенты и консульские должностные лица имеют прямое отношение к спецслужбам. Другие респонденты не стали делать подобных категоричных заявлений, однако характер и тональность их ответов не позволили полностью исключить приверженность (по крайней мере, частичную) соответствующей установке. В то же время трое опрошенных отметили, что в ходе общения с сотрудниками диппредставительств чувствовали по отношению к себе некоторую настороженность со стороны последних. По мнению одного из них, это, в свою очередь, также уместно связать с "зеркальными" подозрениями в разведдеятельности. Хотя о прямых намеках или инсинуациях, видимо, речи не шло, градус шпиономании, судя по эмпирическим данным, продолжает оставаться неоправданно высоким.

3. *Низкая степень консолидации научной диаспоры*. Притом что проблема массовой миграции научных работников ("утечка мозгов") из России привлекает к себе широкое внимание начиная с 1990-х годов, понятие "научная диаспора" стало частью политического дискурса лишь сравнительно недавно – на рубеже 2000-2010-х годов [Дежина и др. 2015; Дежина 2016; Малахов и др. 2020][7]. В 2008 г. была учреждена международная ассоциация русскоговорящих ученых *RASA*, имеющая в настоящее время три отделения (Северная Америка, Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион)[8], в 2012 г. – схожая по своей миссии ассоциация *RuSciTech*. В 2015 г. под эгидой Министерства образования и науки (с 2018 г. – Министерства науки и высшего образования) была создана рабочая группа по взаимодействию с учеными-соотечественниками за рубежом (далее – РГ), проводившая, по крайней мере, до 2019 г. ежегодные заседания[9], приуроченные к значимым международным научным форумам. Помимо высшего руководства Минобрнауки в РГ вошли представители названных ассоциаций, а также независимые ученые-эксперты [Формы и модели... 2019].

Несмотря на формальное существование подобных дискуссионных площадок, информация об их деятельности носит крайне ограниченный характер. Достаточно сказать, что из 12 опрошенных только один, будучи сам членом *RuSciTech*, знал о них. Для остальных сам факт функционирования данных структур был своего рода откровением. Этому обстоятельству едва ли стоит удивляться ввиду слабости, а местами и полного отсутствия информационной политики. Так, на протяжении по меньшей мере последних трех месяцев, в течение которых нами осуществлялось наблюдение, к сентябрю 2021 г. официальные сайты *RASA* и *RuSciTech* не работали[10]. Доступным остается только сайт американского отделения *RASA-America*, впрочем, размещенная на нем информация, особенно в разделе новостей, обновляется далеко не регулярно[11].

[7] В крупнейшем национальном депозитории *eLibrary.Ru* научно-исследовательских работ, посвященных российской научной диаспоре, насчитывается менее 50 единиц.

[8] *Russian-Speaking Academic Scientists Association (RASA). RASA-America (RASA-USA)* зарегистрирована в 2008 г. в Бостоне; *RASA-Europe (Association Internationale des Scientifiques Parlant Russe, AISPR)* – в 2008 г. в Париже, RASA-Asia – в 2017 г. в Сингапуре.

[9] Пятое заседание РГ было проведено 16.05.2019 в г. Сочи в рамках III Международной конференции "Наука будущего" и IV Всероссийского форума "Наука будущего – наука молодых". Информацией о проведении заседаний РГ после начала пандемии в 2020 г. мы не располагаем.

[10] *RASA*. http://www.dumaem-po-russki.org/; *RuSciTech*. http://ru-sci-tech.org/ (accessed 23.09.2021).

[11] *Russian-American Science Association*. http://www.rasa-usa.org/. Примечательно, что при совпадении аббревиатур (*RASA*) головной организации и ее американского отделения, вторая на указанном сайте расшифровывается в переводе как "Российско-Американская научная ассоциация". Информация о проведении 06.12.2020 г. в рамках Всемирной конференции ассоциации русскоговорящих ученых

Сведения о работе РГ, отраженные в двух протоколах ее ежегодных заседаний и ограничивающиеся ими, представлены на личной странице сопредседателя *RuSciTech* А.О. Старинца[12]. На иных открытых ресурсах, включая официальный портал Министерства науки и высшего образования[13], их найти не удалось. То же относится к присутствию (вернее, отсутствию) перечисленных организаций в социальных сетях.

В итоге мы предполагаем, что привлечение в научно-диаспоральные организации новых участников[14] происходит главным и, возможно, единственным образом посредством "сарафанного радио". Излишне добавлять, что в эпоху цифровизации такой канал предстает, мягко говоря, несколько устаревшим. На сайтах и в аккаунтах российских диппредставительств[15] и зарубежных миссий Россотрудничества[16] в социальных сетях информация о *RASA, RuSciTech* и РГ тоже не представлена.

Следствием такого де-факто информационного вакуума видится разрозненность научной диаспоры, снижение эффективности работы ее координационных механизмов и в целом самоорганизации. С этим тезисом в ходе интервью эксплицитно согласились 11 человек, т.е. почти все участники исследования.

Проблемы взаимодействия дипработников с участниками МНТС

Руководствуясь той же логикой и применяя аналогичную методологию (включая оговорку о низкой статистической репрезентативности выборки) на условиях анонимности и конфиденциальности, обусловленных ведомственной спецификой, мы провели полуструктурированные интервью с пятью действующими работниками МИД России. Двое – сотрудники центрального аппарата (ЦА), двое – посольств России в зарубежных странах, один – РКЗУ. Их возраст варьировался от 26 до 52 лет, при этом вследствие организационных сложностей в выборку попали исключительно мужчины. Иных личных характеристик, включая сведения о трудовом стаже, дипломатических рангах и занимаемых должностях, по просьбе интервьюированных не раскрываем.

Все опрошенные имели определенный, пусть и заметно различающийся опыт взаимодействия с представителями научного сообщества (главным образом российского, включая ту самую "диаспору") по служебной линии. Интерпретация и анализ соответствующих бесед дали возможность постулировать следующие административно-технические (вплоть до бытовых) и отчасти концептуальные сложности при их работе на участке "дипломатии для науки".

RASA и XI ежегодной конференции *RASA-America* дистанционного круглого стола с представителями Ассоциации *RASA* и Российской академии наук (РАН) была найдена только на портале "Научная Россия": Мохначев Н., Ибрагимова А. Российская наука и диаспора. *Научная Россия*. 07.12.2020. https://scientificrussia.ru/articles/diaspora-i-rossijskaya-nauka (accessed 23.09.2021).

[12] Andrei Starinets's Homepage. *Science & Education in Russia Federation / Russia – Soviet Union*. http://www-thphys.physics.ox.ac.uk/people/AndreiStarinets/science_in_russia.html (accessed 23.09.2021).

[13] Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. https://minobrnauki.gov.ru/ (accessed 23.09.2021).

[14] Информация о текущей численности вышеуказанных организаций на официальных открытых ресурсах также отсутствует.

[15] Министерство иностранных дел Российской Федерации. *Аккаунты в соцсетях*. https://www.mid.ru/press_service/social_accounts (accessed 23.09.2021).

[16] Россия с миром (официальный портал Россотрудничества). *Русские дома*. https://rwp.agency/russkie-doma/ (accessed 23.09.2021).

1. *Трудности восприятия целевой аудитории*. Первый вопрос, вызвавший затруднения, по существу сводился к терминологии. Четверо из пяти респондентов были склонны рассматривать понятия "ученый", "научный работник", "научный сотрудник", "исследователь", а также близкие к ним "преподаватель", "профессор" и даже "эксперт" в качестве чуть ли не равнозначных синонимов. Несмотря на презумпцию мнимой тождественности, дипломаты видели проблему в отсутствии четких юридических определений перечисленных категорий. Таким образом, на понятийном уровне актуальным и острым представлялся вопрос о корректном наименовании партнеров. Иначе говоря, спектр дефиниционных трудностей охватывал то, "*с кем работать 'научным дипломатам'; в чем разница между научным сотрудником и научным работником; кто такой ученый?*".

При этом лишь один опрошенный, отличавшийся более богатым по сравнению с другими опытом работы на исследуемом направлении, апеллировал к понятийному аппарату, используемому в Федеральном законе "О науке и государственной научно-технической политике"[17]. Остальные честно признались, что подробно не изучали данный закон.

С учетом этого участники "дипломатической" группы также делали упор на высокой степени разнородности научного сообщества: "*Как можно ставить в один ряд физиков-ядерщиков с мировым именем и аспирантов гуманитарных вузов; что общего между ними; уместно ли использовать для дипломатической помощи тем и другим схожие инструменты?*".

Были отмечены и инциденты, причем нередко комичные, отражающие особенности самопозиционирования представителей научного сообщества, контактировавших с загранучреждениями МИД. Делая поправку на подобные казусы когнитивного плана, стоит, однако, резюмировать, что находить общий язык с учеными дипломатам иногда бывает столь же непросто, сколь ученым с дипломатами.

2. *Расплывчатость категории "научная диаспора" и ее разнородность*. Объективно более размытым по сравнению с "научным работником" в смысловом плане видится понятие "научная диаспора". В федеральных законах, равно как и в подзаконных правовых актах, касающихся научной деятельности, его трактовки найти не удалось. Не фигурирует такая трактовка ни в Стратегии научно-технологического развития РФ[18], ни в глоссарии Концепции МНТС (хотя в тексте последней сама научная диаспора упоминается в п. 28)[19], ни даже в доступных протоколах заседаний РГ[20].

В более общем плане то же касается и Федерального закона о государственной политике в отношении соотечественников за рубежом[21], в ст. 1 которого

[17] Федеральный закон "О науке и государственной научно-технической политике" от 23.08.1996 № 127-ФЗ (в последней редакции). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_11507/ (accessed 23.09.2021). В ст. 4 данного основополагающего в этой области нормативного правового акта дается определение научного работника (исследователя).

[18] Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 "О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации". http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (accessed 23.09.2021).

[19] Концепция международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Одобрена Правительством Российской Федерации 08.02.2019. https://france.mid.ru/upload/iblock/7f8/7f8aadb5de45b3a58103046d70eabef2.pdf (accessed 23.09.2021).

[20] Andrei Starinets's Homepage. *Science & Education in Russia Federation. Russia – Soviet Union*. http://www-thphys.physics.ox.ac.uk/people/AndreiStarinets/science_in_russia.html (accessed 23.09.2021).

[21] Федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" от 24.05.1999 № 99-ФЗ (в последней редакции). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (accessed 23.09.2021).

раскрывается понятие соотечественника как такового, однако не вводится и не определяется понятие "диаспора".

С учетом этого, отсутствие точного и желательно юридически зафиксированного определения научной диаспоры видится всеми респондентами в качестве одного из методологических и формальных барьеров в оперативной работе. В этом контексте возникают закономерные вопросы об обязательных и необязательных критериях принадлежности к российской научной диаспоре, как-то: владение русским языком, наличие российского (в прошлом, как вариант, – советского) гражданства, полученное в СССР/России высшее образование и т.п.

Например, могут ли считаться членами научной диаспоры исследователи, родившиеся на территории иностранного государства и имеющие соответствующее гражданство, т.е. мигранты второго поколения, не владеющие в достаточной для работы степени русским языком, но обладающие значительным научным потенциалом и/или достижениями? Или наоборот: иностранцы без этнических и публично-правовых связей с "русским миром", однако окончившие российские вузы, свободно говорящие на русском языке и симпатизирующие отечественной культуре?

Наряду с этим, по свидетельствам всех респондентов, условной "научной диаспоре", как и русскоязычной диаспоре в целом, присуща довольно высокая степень поляризации политических взглядов – в частности, по отношению к российскому государству, проводимой им внутренней и внешней политике. В то время как одни проживающие за рубежом соотечественники категорически не приемлют общий курс и конкретные реализуемые РФ меры, другие, наоборот, склонны выступать в роли их апологетов, резко критикуя при этом политические инициативы и/или реакции стран пребывания, а также третьих стран. В случае с исследователями к этому добавляется критика, причем не всегда конструктивная, российской научной политики, иногда – ностальгия по советской системе организации высшего образования и НИОКР, или же противоположные тезисы.

Респонденты сошлись в том, что наличие и разнонаправленность таких убеждений и ценностных установок также требуют детального изучения для последующего учета при взаимодействии с научным контингентом. Двое дипломатов отметили, что многие проживающие за рубежом соотечественники воспринимают само слово "диаспора" как имеющее отрицательную коннотацию и, как следствие, не желают себя с ней ассоциировать. Скорее всего, это может объясняться негативными стереотипами о других этнических группах, проживающих за пределами родных территорий и включающих сообщества, ведущие маргинальный образ жизни.

Еще одним фактором гетерогенности исследуемой группы выступает срок и статус пребывания за рубежом. Несмотря на то, что, по данным выборочного анкетирования, реализованного совместно Минобрнауки и РИЭПП в 2019 г., б*о*льшую часть, а именно 61,8% ученых-соотечественников, проживающих за пределами России, составляют люди, эмигрировавшие в 1990-х годах [Формы и модели... 2019][22], с ними опрошенным дипломатам приходилось взаимодействовать существенно реже, чем с мигрантами второй (2000-е годы) и третьей волн (2010-е годы). Это может объясняться тем, что многие из первых пост-

[22] Эмигрировавшие до 1991 г. – 6,1%; в 2000-е годы – 21,4%, в 2010-е годы – 9,2%.

советских эмигрантов-исследователей успешно интегрировались в общество и научную среду стран пребывания и мало заинтересованы в возобновлении связей с родиной. В то же время, по словам двух респондентов, ситуации, когда в диппредставительства обращаются соотечественники, уже успевшие приобрести гражданство зарубежной страны, отнюдь не редки.

Наконец, важной проблемой, согласно четырем респондентам, выступает сложность количественной оценки научной диаспоры. Сотрудники загранпредставительств МИД были готовы назвать предполагаемую численность всей русскоязычной диаспоры, однако затруднялись даже приблизительно оценить число научных работников – выходцев из СССР/России в странах своего пребывания. При этом случаи, когда ученые встают на консульский учет, носящий, как известно, необязательный и добровольный характер, крайне немногочисленны, что тоже затрудняет мониторинг ситуации.

3. *Персонализация научной дипломатии*. По словам опрошенных, отсутствие системного подхода к видам и формам поддержки, которые дипломаты могут или могли бы оказать ученым, приводит к преобладанию личностных факторов над институциональными. В результате активность работы по данному направлению часто напрямую зависит от приоритетов руководства. Так, говоря о характере деятельности, соотносимой с "дипломатией для науки", в посольствах и РКЗУ, интервьюируемые неоднократно употребляли формулу "*все зависит от посла или консула*". По наблюдениям информантов, если руководитель дипмиссии и/или старшие дипломаты обладают некоторым академическим бэкграундом (по крайней мере, ученой степенью), такая работа ведется, как правило, в большем объеме и на регулярной основе.

Если же старший дипсостав не настроен на продвижение данной повестки, то она может вестись по остаточному принципу, особенно в странах, с которыми у России пока что нет столь развитых научно-технических связей, как с ведущими научными державами. Более того, при смене руководства, а также зачастую и исполнителей, приоритетность направления может меняться: не в пример другим, "научно-дипломатические" дела в силу их специфики редко передаются сменщикам и скорее завершаются одновременно с командировкой уезжающего из страны дипломата.

В этом контексте двое респондентов отметили, что инструкции, поступавшие из ЦА по научно-дипломатическому направлению, не всегда отличались конкретикой в плане общего целеполагания и частных задач. То же часто относилось и к формулировкам запросов "клиентами", т.е. учеными. На вопрос, задаваемый им дипломатическими работниками: "*Чем российское посольство может Вам помочь*?", многие из них отвечали уклончиво и обтекаемо.

Подводя итог, допустимо заключить, что главным двигателем отечественной "дипломатии для науки" на текущем этапе ее развития выступают частные инициативы отдельных дипломатов, с одной стороны, и ученых-участников МНТС, с другой стороны. Иными словами, пока что российская "дипломатия для науки" – это в большей мере работа энтузиастов, чем институтов [Reinhardt 2021][23].

[23] Ср. Райнхардт Р.О. Научная дипломатия – это ученые. *МГИМО МИД России*. 03.06.2021. https://mgimo.ru/about/news/experts/nauchnaya-diplomatiya-eto-uchenye/; В пресс-центре МИЦ "Известия" говорят о возможностях научной дипломатии. Трансляция. *Известия*. 03.06.2021. https://iz.ru/1173299/2021-06-03/v-press-tcentre-mitc-izvestiia-rasskazhut-o-vozmozhnostiakh-nauchnoi-diplomatii-transliatciia (accessed 23.09.2021).

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО РАЗВИТИЮ РОССИЙСКОЙ “ДИПЛОМАТИИ ДЛЯ НАУКИ”

Принимая во внимание описанное выше положение дел, видим целесообразным сформулировать ряд рекомендаций для лиц, принимающих решения в области дипломатического сопровождения научно-политических мер. Представляется актуальным проработать следующие вопросы.

В части консульско-визовой проблематики

1. Обособление контактов в рамках МНТС в отдельную категорию целей поездки при получении виз иностранными гражданами для въезда на территорию РФ. В действующем перечне целей поездок научно-технические связи (п. 40) включены в одну группу с культурными и спортивными связями, а также общественно-политической, благотворительной деятельностью, религиозными делами, паломничеством, гуманитарной помощью и даже молодежными обменами (пп. 41-48)[24]. Все перечисленные цели дают основание для оформления и выдачи обыкновенной гуманитарной визы.

Полагаем, что, исходя из специфики МНТС, было бы уместно формирование под него специального типа виз (например “Обыкновенные научные визы”), а не объединение под одним “гуманитарным зонтиком” ученых, спортсменов, паломников и других. Альтернативным вариантом могло бы послужить включение научно-технических и/или научных связей в уже существующие группы виз более высокого уровня (например, в “Служебные визы” – по аналогии с пп. 13 “Военно-техническое сотрудничество” и 14 “Военные связи”). Думается, что такие изменения могли бы упростить процедуру оформления и выдачи, продления срока действия, восстановления в случае утраты, а также аннулирования визы для въезда в РФ иностранным научным работникам. Помимо этого, выделение данного вида связей в отдельную визовую категорию потенциально могло бы способствовать более точному учету и мониторингу динамики МНТС.

2. Разработка проекта “паспорта ученого”, или “удостоверения ученого”, дающего их держателям право на безвизовый въезд в страну (для стран, с которыми у России такой режим не предусмотрен для всех категорий граждан), а также иммунитеты и привилегии, схожие с дипломатическими или консульскими, во время пребывания на территории страны.

Работу в этом направлении стоит вести на макроуровне, т.е. путем достижения договоренностей с другими государствами на взаимной двусторонней или многосторонней основе. Впрочем, на начальном этапе подобные документы могут быть внедрены и в одностороннем порядке.

Ориентирами представляются, во-первых, “паспорт болельщика” (*Fan ID*), апробированный зарубежными гостями Олимпиады Сочи 2014 г., Чемпионата мира по футболу 2018 г. и Чемпионата Европы по футболу 2020 г. (на матчах, прошедших в 2021 г. в Санкт-Петербурге)[25]. Во-вторых, служебные и отчасти дипломатические паспорта, а также порядок предоставления иммунитетов

[24] Консульский информационный портал Консульского департамента МИД России. Приказ МИД России от 21.12.2020 № 23235 “Об утверждении Перечня целей поездок, используемого при оформлении и выдаче виз иностранным гражданам” (Зарегистрировано в Минюсте России 28.01.2021 № 62259). https://kdmid.ru/cons.aspx?lst=cnslfunk&it=/Выдача%20виз%20-%20Нормативная%20база.aspx (accessed 23.09.2021).

[25] Соболев И. Что такое Fan ID и как он будет работать на чемпионате Европы в Санкт-Петербурге. *Российская газета. Спорт*. 09.06.2021. https://sportrg.ru/2021/06/09/chto-takoe-fan-id-i-kak-on-budet-rabotat-na-chempionate-evropy-v-sankt-peterburge.html (accessed 23.09.2021).

и привилегий дипломатическим агентам, административно-техническому персоналу дипломатических представительств[26], консульским должностным лицам и консульским служащим[27].

Полагаем, что постепенное наделение научных работников, участвующих в МНТС, по крайней мере функциональным (действующим в период исполнения ими должностных обязанностей), если не абсолютным (действующим на протяжении всего периода пребывания в иностранном государстве) иммунитетом могло бы стать мощным драйвером глобального научно-технического обмена и академической мобильности.

В части работы с так называемой российской научной диаспорой

1. Выработка четкого определения (термина) научной диаспоры и его последующее включение в законодательные документы – в первую очередь в Концепцию МНТС. Размытость данного понятия и отсутствие в рамках него четких границ воспринимается в качестве проблемы и исследователями, и дипломатами, создавая трудности для реализации практических мер по треку "дипломатии для науки".

С функциональной точки зрения, по нашему мнению, было бы уместно отразить в дефиниции научной диаспоры следующие признаки ее членов:

– научно-исследовательская работа и/или работа в высшей школе как основной вид профессиональной деятельности;

– проживание за пределами территории РФ более одного года или более 180 дней в течение одного года вне зависимости от статуса (наличия гражданства иностранного государства, вида на жительства, долгосрочной рабочей визы и др.);

– владение русским языком на уровне, достаточном для свободной коммуникации с его носителями, подтвержденное специальным сертификатом;

– самоидентификация с русской культурой вне зависимости от факта рождения на территории РФ и СССР, а также наличия в прошлом или настоящем соответствующих гражданств.

Таким образом, предлагаем не проводить привязку к происхождению и "корням" ученых, но, наоборот, сделать понятие научной диаспоры максимально инклюзивным и открытым, в том числе для иностранцев. Другими словами, дать возможность подключаться к ней всем желающим русскоговорящим и русскомыслящим исследователям.

На основании соответствующих новелл было бы также целесообразно внести дополнения в Федеральный закон о госполитике в отношении соотечественников в части, гарантирующий последним не только поддержку в области языка, культуры, религии и образования (ст. 17), но и в сфере научно-исследовательской деятельности[28].

Полагаем, что соответствующее юридическое проектирование следовало бы вести в рамках совместной рабочей группы МИД, Россотрудничества и Минобрнауки, с одной стороны, и МВД и Минюста – с другой.

[26] Венская конвенция о дипломатических сношениях. Принята 18.04.1961. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (accessed 23.09.2021).

[27] Венская конвенция о консульских сношениях. Принята 24.04.1963. https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/consular.pdf (accessed 23.09.2021).

[28] Федеральный закон "О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом" от 24.05.1999 № 99-ФЗ (в последней редакции). http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (accessed 23.09.2021).

2. Упрощение процедур въезда в Россию и работы в России для членов научной диаспоры и, в первую очередь, соотечественников, проживающих за рубежом, но не имеющих российского гражданства. Данное направление имеет смысл развивать параллельно с разработкой проекта "паспорта/удостоверения ученого", поскольку, особенно на начальных этапах, оно могло бы служить не замещающим или дублирующим, но дополняющим его механизмом.

Весьма интересен опыт Индии, где в 2005 г. был введен институт "зарубежного гражданства" (*OCI – Overseas Citizenship of India*)[29]. Получение соответствующего документа наделяет членов диаспоры рядом прав, во многом идентичных правам обычных индийских граждан, за исключением избирательного (активного и пассивного) и права работы на государственной службе. Имеется и ряд других нюансов и ограничений, однако в текущем контексте важно, что в законодательстве отдельно прописан пункт о праве держателя *OCI* заниматься исследовательской работой на территории Индии при получении справки об отсутствии возражений ("*No Objection*") со стороны МВД, которое можно оперативно запросить в любом диппредставительстве страны за рубежом.

Тот факт, что, по оценкам властей, из порядка 28 млн лиц индийского происхождения, проживающих за рубежом, около 6 млн являются держателями *OCI*, говорит об определенной, пусть и далеко не всеобъемлющей востребованности такого механизма[30]. Его имплементация не лишена проблем: так, в первую волну пандемии весной 2020 г. правительство страны отказало "зарубежным гражданам" в эвакуации из-за рубежа и въезде в страну. Тем не менее показательно, что институт по-прежнему пользуется достаточно высокой популярностью в среде научных работников и студентов, повышая их академическую мобильность. Добавим, что он уже попадал в поле зрения отечественных экспертов, занимающихся исследуемой проблематикой[31] [Дежина, Васильева, Белов 2015: 60][32].

Другим не менее важным шагом могло бы стать включение представителей научной диаспоры отдельным пунктом в список категорий лиц, могущих претендовать на получение гражданства РФ в упрощенном порядке[33]. Реальный спрос именно на опцию приобретения учеными российского гражданства или их репатриацию прогнозировать сложно, однако думается, что само наличие таких возможностей могло бы послужить положительным сигналом для международного научного сообщества.

В части информационно-разъяснительной работы и коммуникационной политики

Активизация работы информационных ресурсов *RASA, RuSciTech* и профильных разделов официальных порталов МИД, Минобрнауки

[29] Ministry of External Affairs. Government of India. *Overseas Citizenship of India Scheme*. https://www.mea.gov.in/overseas-citizenship-of-india-scheme.htm (accessed 23.09.2021)

[30] Menezes, V. Overseas Citizens of India feel abandoned, betrayed. *Mint*. 11.05.2020. https://www.livemint.com/news/india/overseas-citizens-of-india-feel-abandoned-betrayed/amp-11589215214871.html (accessed 23.09.2021).

[31] Старинец А.О. Размышление о методе. Тезисы (слайды) выступления на конференции "Международное научно-техническое сотрудничество и взаимодействие с научной диаспорой". 13.12.2018. http://www-thphys.physics.ox.ac.uk/people/AndreiStarinets/moscow-rab-group-meeting-materials-dec-2018/starinets-methods.pdf (accessed 23.09.2021).

[32] В указанном источнике со ссылкой на статью в зарубежном издании ошибочно указано, что данный институт был внедрен в 1999 г. На самом деле это произошло в 2005 г.

[33] Дорофеев Н. Кто и как может получить гражданство России в упрощенном порядке. *Парламентская газета*. 24.04.2020. https://www.pnp.ru/politics/kto-i-kak-mozhet-poluchit-grazhdanstvo-rossii.html (accessed 23.09.2021).

и Россотрудничества, посвященных МНТС, а также создание и налаживание функционирования соответствующих аккаунтов в наиболее популярных социальных сетях (*Instagram, Facebook, Twitter*, ВКонтакте и др.).

Также уместно создание специализированной платформы (рабочие названия – "Российский ученый / *Russian Scientist*" или "Россия – умная страна / *Smart Russia*"), агрегирующей перечисленные выше, равно как и иные тематические интернет-ресурсы, и работающей по принципу единого окна.

Такая платформа могла бы содержать качественно проиллюстрированную (инфографика), визуализированную (блок-схемы алгоритмов и проч.), изложенную доступным языком информацию по частично освещенным выше вопросам (порядок въезда и получения виз, участия в мероприятиях научной диаспоры и др.) и предоставлять заинтересованным лицам возможность для регистрации. В результате на ее основе можно было бы сформировать сетевое сообщество и единую базу данных научных работников, фактически находящихся в орбите российского МНТС или желающих выйти на нее. Ее создание можно было бы осуществить консолидированными совместными усилиями МИД, Минобрнауки, Минцифры и Россотрудничества.

В процессе формулировки предложенных мер мы консультировались с обеими подгруппами пула экспертов, участвовавших в дискуссиях – учеными и дипломатами. По итогам обсуждения был достигнут локальный консенсус: все положения были по большей части одобрены и сведены к приведенным выше общим знаменателям. Выражаем благодарность участникам интервью и надеемся, что при поддержке со стороны лиц, принимающих решения, в совокупности и на должном уровне проработки данные меры смогут повысить фактическую и потенциальную полезность ведомственной дипломатии для развития международных связей российского научного сообщества.

DOI: 10.17976/jpps/2022.02.09

INTERPRETATIONS OF "DIPLOMACY FOR SCIENCE" BY RUSSIAN SCHOLARS AND DIPLOMATS

R.O. Raynkhardt[1], A.N. Panov[1]

[1] MGIMO University. Moscow, Russia

RAYNKHARDT, Roman Otmarovich, Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor, MGIMO University, email: don.reinhardt@mail.ru; **PANOV, Alexander Nikolaevich**, Dr. Sci. (Polit. Sci.), Professor, Head of the Department of Diplomacy, MGIMO University, email: panov.taishi@yandex.ru

Raynkhardt, R.O., Panov, A.N. (2022). Interpretations of "diplomacy for science" by Russian scholars and diplomats. *Polis. Political Studies*, 2, 115-129. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.02.09

Acknowledgements. The article was prepared in the framework of the MGIMO grant for young researchers under the supervision of doctoral or postdoctoral fellows (project "New Forms and Methods of Diplomacy under Pandemic Conditions" of the XI MGIMO Young Researchers' Contest "Scientific Idea").

Received: 30.09.2021. Accepted: 22.12.2021

Abstract. The article concerns the role of 'diplomacy for science' as a science diplomacy track facilitating international scientific and technical cooperation. The authors argue that diplomatic practices used to support the said cooperation are conducted at two levels. The macro-level features intergovernmental and interstate cooperation, such as making international agreements on scientific and technical cooperation, while at the micro-level individual scholars or scientific groups are supported by diplomats in their relations with foreign partners. However, there are issues jeopardizing cooperation between diplomats and scientists, and in order to gain insight into the nature of these problems and suggest ways to rectify the situation and so alleviate the struggle of both sides, the authors have conducted a series of semi-structured interviews with representatives of Russian-speaking academia and the Russian Ministry of Foreign Affairs. The scientists interviewed have reported legal issues, as well as a lack of

consular and visa information, as factors negatively affecting their decision to go abroad for working purposes; the so-called research diaspora is poorly consolidated, subverting efforts to coordinate Russian-speaking researchers outside Russia. The diplomats expressed regret over the absence of formal definitions for such terms as 'researcher' and 'research diaspora' which effectively hinders the identification of those eligible for diplomatic and consular support within the 'diplomacy for science' framework. The support itself is provided unevenly across Russian diplomatic establishments abroad, being dependent on the staffing situation and the Ambassador's as well as senior diplomats' personal interest in the matter. At the same time, both scholars and diplomats indicated difficulties in communicating with each other, caused by among other reasons a sense of mutual distrust. Based on the empirical data collected and analyzed, the authors have formulated a number of recommendations for decision-makers to bolster the country's science diplomacy effort. To enhance consular and visa support, it is suggested that travel for the purposes of scientific exchange be designated as an independent visa category and 'Scientist IDs' introduced (similarly to 'Fan IDs'). To engage more with the research diaspora, it is advisable to define what categories of researchers comprise the said group and offer them eased rules of entry and naturalization. Restarting the existing Internet resources related to scientific exchange alongside launching a specialized online platform integrating such sources would serve to improve the information coverage of Russian science diplomacy.

Keywords: science diplomacy, diplomacy for science, international scientific and technical cooperation, digital diplomacy, research diaspora, overseas compatriots, scientific policy.

References

Bergeijk, P. van, Groot, H. de, & Yakop, M. (2011). The economic effectiveness of diplomatic representation: an economic analysis of its contribution to bilateral trade. *The Hague Journal of Diplomacy,* 1-2, 101-120. https://doi.org/10.1163/9789004209619_007

New frontiers in science diplomacy. Navigating the changing balance of power. (2010). London: The Royal Society. https://royalsociety.org/~/media/royal_society_content/policy/publications/2010/4294969468.pdf

Reinhardt, R.O. (2021). Russian science diplomacy at a crossroads. *MGIMO Review of International Relations,* 14(2), 92-106. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-92-106

Dezhina, I.G. (2016). Russian-speaking research diaspora: experience and perspectives of cooperation with Russia. *Sociology of Science and Technology,* 7(1), 134-149. (In Russ.) https://doi.org/10.24411/2079-0910-2016-00009

Dezhina, I.G., Kuznetsov, E.N., Korobkov, A.V., & Vasil'ev, N.V. (2015). Razvitie sotrudnichestva s russkoyazychnoi nauchnoi diasporoi: opyt, problemy, perspektivy [The development of cooperation with the Russian-speaking research diaspora: experience, issues, perspectives. Ed. by I.S. Ivanov]. No 23/2015. Moscow: Spetskniga. (In Russ.)

Formy i modeli mezhdunarodnogo nauchno-tekhnicheskogo sotrudnichestva v Rossii [Forms and models of international scientific and technical cooperation in Russia]. (2019). Moscow: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, The Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology (RIEPL). (In Russ.) https://riep.ru/upload/iblock/379/3790818969f57cf8e97b5407d71365e6.pdf (accessed 23.09.2021).

Krasnova, G.A., Reinhardt, R.O., Shakirov, O.I., & Solov'ev, D.B. (2020). Novye gorizonty nauchnoi diplomatii v Rossii: Doklad № 63/2020 [The new horizons of science diplomacy in Russia: report No 63/2020]. Russian International Affairs Council (RIAC). Moscow: NP RIAC. (In Russ.)

Malakhov, V.A., Vasil'eva, I.N., & Belov, F.D. (2020). Structure of international migration of researchers. Case study of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast,* 13(5), 232-246. (In Russ.) https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.14

Reinhardt, R.O., & Mozebakh, V.A. (2017). Science attaches' work: Russian and foreign practices. *Human Capital,* 12(108), 28-33. (In Russ.) https://doi.org/10.25629/HC.2017.12.06

Литература на русском языке

Дежина И.Г. 2016. Российская научная диаспора: опыт и перспективы сотрудничества с Россией. *Социология науки и технологий*. Т. 7. № 1. С. 134-149. https://doi.org/10.24411/2079-0910-2016-00009

Дежина И.Г., Кузнецов Е.Н., Коробков А.В., Васильев Н.В. 2015. *Развитие сотрудничества с русскоязычной научной диаспорой: опыт, проблемы, перспективы*. № 23. М.: Спецкнига.

Краснова Г.А., Райнхардт Р.О., Шакиров О.И., Соловьев Д.Б. 2020. *Новые горизонты научной дипломатии в России: Доклад № 63/2020.* РСМД. М.: НП РСМД.

Малахов В.А., Васильева И.Н., Белов Ф.Д. 2020. Структура международной миграции ученых на примере России. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. Т. 13. № 5. С. 232-246. https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.14

Райнхардт Р.О., Мозебах В.А. 2017. Деятельность атташе по науке: отечественные и зарубежные практики. *Человеческий капитал*. № 12. С. 28-33. https://doi.org/10.25629/HC.2017.12.06

Формы и модели международного научно-технического сотрудничества в России. 2019. М.: Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российский научно-исследовательский институт экономики, политики и права в научно-технической сфере (РИЭПП). https://riep.ru/upload/iblock/379/3790818969f57cf8e97b5407d71365e6.pdf